

РАЗДЕЛ I. СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, С. В. Горюнова

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ПОВЫШЕНИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИИ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

В условиях быстро изменяющегося и глобализирующегося мира, вступающего в новый этап своего развития, остро встают вопросы о том, какую роль сможет играть Россия на международной арене, какое место будет определено ей в системе международного разделения труда. Перспективы страны, ее возможные траектории среднесрочного и долгосрочного развития зависят прежде всего от того, сможет ли она занять достойное место в новой мировой системе, не оказавшись при этом на ее периферии, не став «сырьевым придатком» более развитых стран.

Эти вопросы напрямую связаны с процессом модернизации России, трансформацией ее экономики и российского общества в целом. В современных условиях потенциальное место России в глобализирующемся мире связано как с проводимыми на макроуровне экономическими и социальными реформами, так и с качеством ее человеческого потенциала. И здесь огромную роль призвана играть реализуемая государством социальная политика. Именно она, рассматриваемая не как привычная система социального обеспечения, а как *инвестиционный механизм, формирующий главную составляющую богатства страны в современном мире – человеческий капитал*, является одним из важнейших факторов, определяющих, насколько успешно Россия может справиться с вызовами, стоящими перед ней на современном этапе.

Об этом же свидетельствует и европейский опыт, который также недвусмысленно показывает – результативная социальная политика все более определяет темпы, характер и эффективность экономических процессов, позитивное развитие политических отношений любого государства, являясь надежным стабилизатором общественного развития.

В то же время, одна из основных особенностей государственной социальной политики в современной России заключается в *явном отсутствии в ней (по крайней мере, до последнего времени) долгосрочного социального компонента*. Стратегия социального развития нередко заменяется социальным мифотворчеством или политикой «латания дыр». И хотя представители практически всех ведущих политических партий, многочисленные эксперты довольно часто высказываются о приоритетных мо-

делях социальной политики российского государства, дают развернутые оценки хода реформ в социальной сфере, ощущается явный дефицит включенности самого общества в осмысление и обсуждение тех социальных приоритетов, которые бы в полной мере соответствовали ожиданиям и потребностям населения страны. Весьма редко «голос масс» публично звучит и по поводу реализации социальных реформ, степени их эффективности и неэффективности. Вот почему данная работа посвящена анализу взглядов россиян на ключевые проблемы социальной политики государства, реальной ситуации с основными составляющими человеческого потенциал страны компонентами и влиянию социальной политики на эту ситуацию.

Инвестиционная функция социальной политики и видение россиянами основных приоритетов деятельности государства

Следует признать, что в последнее время наметился отчетливый поворот государства в сторону социальной политики. Недовольство населения сложившейся в социальной сфере ситуацией привлекает к проблемам поиска оптимальной для России модели социальной политики внимание как общества в целом, так и властных структур. Не останавливаясь специально на огромном количестве посвященной этим проблемам литературы, отметим лишь, что основным недостатком последней является, как правило, попытка прямого проецирования тех или иных существующих в мире моделей социальной политики на российскую почву без учета специфики последней. Не менее опасна, впрочем, и другая тенденция – поиск абсолютно самостоятельного пути развития России в этой области, не учитывающий механизмов и технологий, наработанных мировым сообществом в этой сфере. Однако из какой бы идеологии не исходили предлагаемые реформы социальной политики, их общим недостатком является то, что, основываясь обычно на статистических данных о ситуации в различных областях социальной сферы, такого рода предложения не учитывают ни позицию на этот счет самого населения, ни качественные особенности сложившейся в российском обществе ситуации, проявляющиеся только при анализе на микроуровне. Вот почему для того, чтобы оценить роль социальной политики в повышении конкурентоспособности России на международной арене, необходим не только анализ взглядов россиян на то, какой же должна быть оптимальная для условий нашей страны модель социальной политики, но и особенностей сложившейся в социальной сфере ситуации, и обуславливающей, в значительной степени, эти взгляды.

Скажем сразу, что, по данным эмпирических исследований, *россияне в массе своей являются сторонниками включения социальной политики в число основных приоритетов деятельности российского государства* (рис. 1).

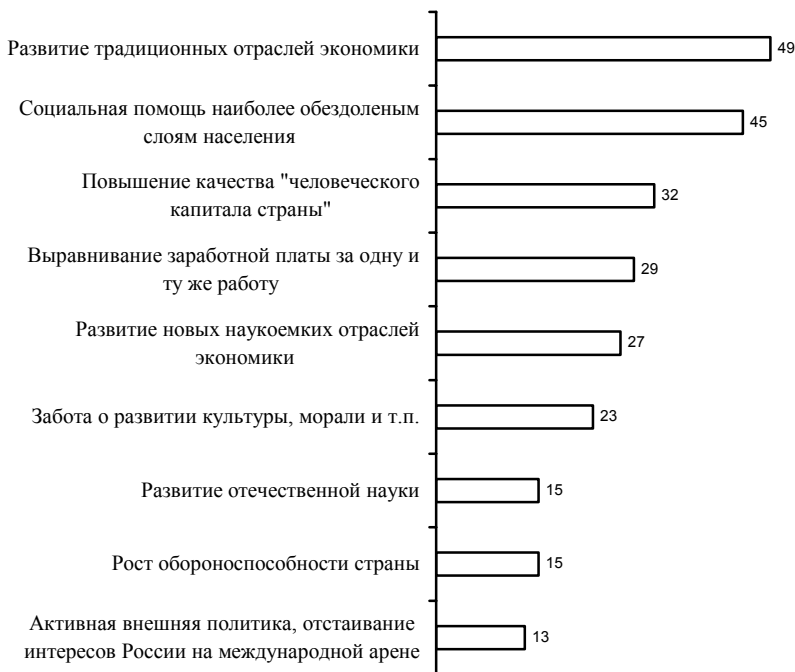

Рис. 1. Представление россиян о главных целях деятельности российского правительства (в %)

(Допускалось несколько ответов, ответы проранжированы)¹

Однако главенство в государственной политике отдают все-таки экономике. 36% из них вообще не включили социальную проблематику в число трех основных целей деятельности российского правитель-

¹ Здесь и далее все данные приводятся по результатам исследований Института социологии РАН «Социальная политика и социальные реформы глазами россиян» и «Социальное неравенство в социологическом измерении», проведенных в марте–апреле 2006 г. Выборка составляла 1750 респондентов и репрезентировала население по полу, возрасту, региону проживания и типу поселения.

ства, и свыше половины назвали проблемы экономической политики в числе трех приоритетов наряду с социальной сферой. Уже сам по себе этот факт разрушает миф о россиянах, как о людях, чуть ли не поголовно «зараженных» иждивенчески-патерналистскими взглядами.

Не менее важно и то, кто и почему включает в число приоритетов государства такие функции социальной политики, как **инвестиционную** – повышение качества человеческого капитала страны, и **гуманитарную** – помощь наиболее нуждающимся слоям населения. О последней функции говорят прежде всего те, кто не имеет *объективных возможностей для изменения сложившейся у них плачевной ситуации с помощью самостоятельных действий*. В нижних 10% населения, выделенных по уровню жизни, сторонники этой позиции составляют свыше половины. Следующие 70% населения разделяют эту позицию уже лишь в 48%. И только в верхней четверти населения число ее сторонников резко падает – примерно до трети. Таким образом, группа сторонников включения в число приоритетов этого направления деятельности государства объединяет прежде всего действительно неспособную к самостоятельному решению своих социальных проблем часть мало- и среднеобеспеченных слоев старшего возраста, неконкурентоспособных на российском рынке труда в силу различных причин (здоровье, низкий уровень квалификации и т.п.).

Прямо обратной по своему составу и взглядам выглядит группа сторонников приоритетности инвестиционной функции социальной политики – это наиболее молодая, образованная и постоянно повышающая свою квалификацию, а следовательно конкурентоспособная на рынке труда, часть населения. В качестве двух других приоритетов представители этой группы называют, как правило, необходимость активизации государственной *экономической политики*, причем как в отношении традиционных отраслей экономики, так и в отношении наукоемких. В этом контексте понятно, что повышение качества человеческого капитала страны воспринимается ими прежде всего как предпосылка превращения России в конкурентоспособную на международной арене державу с современной экономикой.

Вряд ли нужно объяснять, что *такая поляризация означает своего рода раскол во взглядах россиян не только на приоритеты социальной политики, но и на будущее России на международной арене в условиях глобализирующегося мира*. Неслучайно лишь 13% россиян одновременно назвали в числе приоритетов обе основные функции социальной политики – инвестиционную и гуманитарную, в основном же их сторонники вообще не пересекались между собой. В данных условиях проблема нахождения баланса между этими двумя во многом альтернативными

точками зрения является уже вопросом политической воли руководства страны. Причем в ситуации нахождения этого баланса нельзя не учитывать и тех россиян, которые связывают приоритеты развития страны только с экономикой, вообще не упоминая проблематику социальной сферы. Напомним, что данная социальная группа, как и сторонники инвестиций в человеческий капитал, особое внимание уделяет *экономической политике* в отношении традиционных и наукоемких отраслей экономики, а также *активной политике на рынке труда* (выравниванию заработной платы за одну и ту же работу независимо от региона, отрасли, места работы и т.д.), то есть считает решение экономических задач приоритетным, полагая, видимо, что при эффективной экономике социальные проблемы будут решены автоматически.

Какие же выводы вытекают из этого для решения вопроса о том, какая модель социальной политики является наиболее приемлемой для сегодняшней России? Заметим, что в западноевропейских странах есть три основных модели социальной политики, представленных в различных вариациях – либеральная (классический пример – Великобритания времен М. Тэтчер), континентальная (Германия последних десятилетий), социал-демократическая (Швеция последней трети прошлого века). Все эти модели относятся к разновидностям социальной политики так называемых «государств всеобщего благосостояния», где государство принимает на себя не только обязательства по поддержанию приемлемого жизненного уровня наименее обеспеченных слоев (это важно для обеспечения интеграции общества и поддержания в нем определенного уровня социальной солидарности, но отнюдь не является в них главным), но и *подготовке рабочей силы того качества, которое позволяет экономике страны быть конкурентоспособной на мировой арене, снимая соответствующие финансовые нагрузки с частного бизнеса и граждан. Именно это и легитимизирует в глазах бизнеса и населения высокие налоги, существующие в этих странах.*

В рамках этих моделей по-разному решаются вопросы о том, как распределяется ответственность между государством и населением, какие органы государственной власти выступают основным субъектом социальной политики в тех или иных ее областях, как выглядят приоритеты внутри самой социальной политики и т.д., но исходные принципы, ее идеология, позволяющие выступать инструментом повышения конкурентоспособности государства на международной арене, остаются при этом неизменными во всех моделях. *Своего рода «ядром» этой идеологии выступает идея ответственности государства не столько за социальные пособия, сколько за возможности удовлетворения базовых социальных потребностей (доступ к услугам образования, здравоохранения, рекреа-*

ции и т.д.), в конечном счете определяющих не только жизненные шансы его граждан, но и шансы на прогрессивное развитие той или иной страны в условиях глоболизирующейся экономики на постиндустриальном этапе развития.

Население России, как было показано выше, в основной своей массе на первое место в деятельности государства ставит не социальную помощь, а успешную экономическую политику, следовательно, именно ориентированная на успешное развитие современной экономики социальная политика может быть наиболее легитимной для россиян. Это тем более важно, что реализация задачи преодоления без изменения структуры экономики, лишь за счет роста трансфертов, малообеспеченности россиян (а именно она, а не бедность нижних 20%, собственно, и волнует основную массу населения страны¹) выглядит на ближайшее будущее по меньшей мере призрачной. И хотя отличия во взглядах россиян и населения западноевропейских стран на проблематику социальной политики, разумеется, есть, и весьма существенные, но касаются они в основном не столько понимания россиянами основных целей социальной политики или ее принципов, сколько несопоставимо большей роли государства как фактически единственно значимого субъекта социальной политики в механизме ее реализации.

Обратимся к третьей позиции представлений россиян об основных приоритетах деятельности государства.

Проблема качества человеческого потенциала страны

Проблема оценки данного феномена предполагает рассмотрение трех основных составляющих – уровня образования, здоровья и благосостояния. Именно эти три компонента учитываются при расчете индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), разработанного для сравнения ситуации с человеческим потенциалом (human development) в различных странах. Показатели ИРЧП рассчитываются для десятков стран и публикуются в ежегодных докладах Программы развития ООН. Россия

¹ В этой связи отметим, что в российском обществе очень низок уровень социальной солидарности. Об этом говорит и то, что лишь 42% россиян стабильно ощущают поддержку близких и коллег и убеждены, что они придут на помощь в случае необходимости, и то, что только 25% россиян готовы платить больше налогов, чтобы обеспечить бесплатную медицинскую помощь всем нуждающимся в ней гражданам России, и многое другое. А это значит, что идея поддержки всех малоимущих независимо от причин их тяжелого положения не является для россиян органичной и ни о какой универалистской модели поддержки как легитимной в российских условиях говорить не приходится.

по этому индексу входит в седьмой десяток стран, относимых к так называемым среднеразвитым странам. И хотя показатели его для нашей страны носят «плавающий» характер, тенденция относительного ухудшения ситуации в этой сфере по сравнению с советской эпохой несомненна. Похоже, это беспокоит и руководство страны, предпринимающее в последнее время попытки исправить сложившуюся ситуацию – не случайно бюджет 2006 г. получил неофициальное название «бюджета инвестиций в человека». Но что же реально происходит в тех областях, которые составляют основу качества человеческого потенциала?

Однако в современном мире, ориентирующемся на знания как главный фактор производства, проблемы доступности и качества **образования** становятся важнейшими вопросами социальной политики. Его доступность является для россиян важной социокультурной нормой и прямо влияет на степень легитимности реализуемой социальной политики и уровень социальной напряженности в обществе. Как показывают эмпирические данные, чем выше уровень образования, тем больше вероятность проживания индивида в крупных городах, уровень его дохода и выше место в профессионально-должностной иерархии. Рост образовательного уровня отражается и в обеспеченности предметами длительного пользования, и в рекреационных возможностях, и в сберегательной активности, и во многом другом.

Через систему обратных связей все это влияет на качество человеческого капитала, способствуя большему углублению социальных неравенств среди лиц с разным образовательным уровнем. Так, люди с высоким уровнем образования обладают более сложным, разнообразным и активным досугом, что, в свою очередь, способствует их саморазвитию, мобильности, активности – качествам, остро востребованным в современной экономике. Настоящий фактор дезавуирует мнение о том, что образовательный уровень в современном российском обществе не влияет на реальный уровень благосостояния. Оно идет вразрез с данными социологических опросов: достаточно сказать, что три четверти лиц с высшим образованием имеют доходы выше медианных, и практически никто из них не попадает в нижний дециль. Возможно, здесь сказываются более широкие возможности для дополнительной занятости, а также доходы других членов домохозяйств. Однако в любом случае прослеживается четкая связь уровня образования и уровня благосостояния, на микроуровне воспроизводящая аналогичную зависимость, просматривающуюся применительно к странам в целом на мировой арене.

В этой связи тревожно, что имеющиеся у них возможности получения образования оценивают как хорошие только 15% россиян, плохие – 21%. Причины таких оценок лежат скорее в пределах государственной

политики в сфере образования, фактически дискриминирующей от него наименее обеспеченные слои населения. Так, почти четверть россиян, имеющих в своем ближайшем окружении людей, живущих за чертой бедности, считает причиной их нынешнего тяжелого положения плохое образование и низкую квалификацию.

Опасной выглядит и зафиксированная в ходе исследования тенденция сокращения доли молодежи до 30 лет, имеющей какое бы то ни было профессиональное образование, хотя доля тех, кто имеет высшее и незаконченное высшее образование, остается при этом в младших и средних возрастных когортах неизменной. Так, если среди 31–40-летних россиян доля не имеющих профессионального образования составляет 19%, то среди лиц младше 30 лет – уже 29%. Важно отметить, что люди в возрасте до 30 лет, не имеющие специальной профессиональной подготовки, живут преимущественно в сельской местности и рабочих поселках городского типа, жители которых наиболее критичны в отношении доступности необходимого им образования (рис.2).

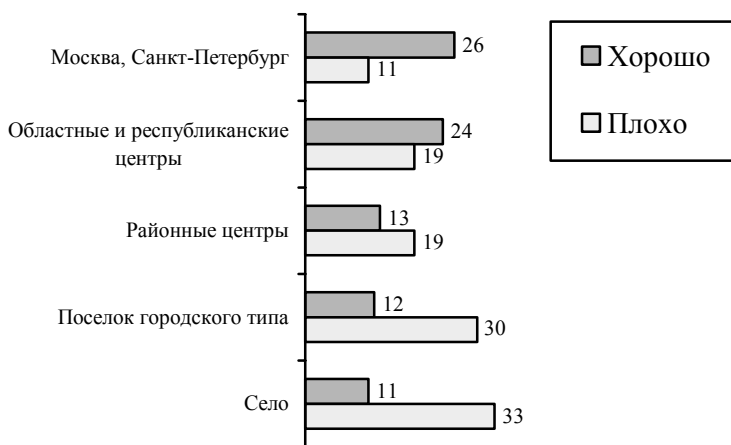

Рис.2. Оценка россиянами возможностей получения необходимых знаний и навыков в зависимости от типа поселения (в %)¹

Это значит, что более чем для трети молодежи страны фактически закрыт доступ к образованию и перспективному будущему, что неизбежно генерирует в этих слоях населения социальную напряженность, на-

¹ Допускался также ответ «удовлетворительно», не представленный на рисунке.

ходящую выход в девиантном поведении – от националистических акций до наркомании. Кроме того, в условиях обостряющейся на мировых рынках труда конкуренции за талантливую молодежь из России возможности ее отбора и дальнейшего продвижения на родине искусственно сужены минимум на треть.

Негативную роль в этом играют и другие факторы, в частности, значительное сокращение практики целевых наборов в учебные заведения, использовавшихся в советское время и дававших шансы получения достаточно высокого образования для сельских жителей (при условии возвращения их после окончания учебы на прежнее место жительства). Кроме того, учитывая низкий уровень доходов большинства негородского населения, расходы, связанные с питанием и проживанием студентов в период учебы в городах в средних и высших учебных заведениях, не говоря уж о проезде до места учебы и обратно, стали для многих неподъемными. Неслучайно в настоящее время сельские жители отмечают ухудшение возможностей получения образования чаще жителей других населенных пунктов. Таким образом, стремление селян к получению образования наталкивается на объективные проблемы, которые не могут быть решены ими самостоятельно.

Проблемы с доступностью образования актуальны также и для малообеспеченных слоев городского населения. Как показывают эмпирические данные, попытки решить эту проблему за счет собственных средств хотя и уменьшают степень тревоги по поводу получения детьми необходимого образования, но одновременно сужают возможности удовлетворения других социальных потребностей, прямо влияющих на качество человеческого капитала – медицинской помощи, рекреации и т.д.

При этом уровень образования родителей, служащий маркером объема культурного капитала семьи, в значительной степени детерминирует высоту той планки, на которую ориентируется следующее поколение ее представителей, и эта тенденция с каждой возрастной когортой становится все более явной. *Невозможность закончить вуз для выходцев из семей с невысоким уровнем культурного капитала постепенно нарастает, увеличивается степень замкнутости образованных слоев населения.* Эмпирические данные говорят о тенденции воспроизводства высокообразованных слоев с постепенным «отсечением» остальных от доступа к образованию и о разделении современного российского общества на три качественно разные группы: имеющих высшее образование (семьи которых насчитывают, как правило, не более одного ребенка, зато дети из этих семей имеют за счет лучшего доступа к образованию значительно большие жизненные шансы во всех сферах жизни), не имеющих даже среднего образования (где число детей относительно выше, но из-за дискриминации от профессио-

нального, а подчас и полного среднего образования эти дети в массе своей заведомо лишены будущего) и всех остальных. Причем поляризация этих групп все нарастает.

Вряд ли нужно объяснять тяжесть последствий такой ситуации. В их числе относительный рост неквалифицированного населения, невос требованного даже в масштабах современной российской экономики, не говоря уж о конкурентоспособной в современном глобализирующемся мире экономике информационного типа. Отсюда – быстрый рост трансфертов, лежащих дополнительным бременем на экономику страны, девиантного поведения, социальной напряженности в обществе и т.д. Не менее тяжелым следствием такого рода «образовательной сегрегации» выступает и сужение базы для воспроизводства высококвалифицированной рабочей силы, рекрутирования в современные отрасли талантливой молодежи.

Ситуация драматична и тем, что в этой области накладываются друг на друга две негативные тенденции – все большего сокращения доступности образования для выходцев из малообеспеченных слоев, определенных типов поселений и относительно низкой рождаемостью у наиболее высококвалифицированных слоев российского общества.

Учитывая вышесказанное, не удивительно противоречивое отношение россиян к реформам в сфере образования. С одной стороны, население понимает их необходимость, с другой – сомневается, что они позволят устранить причины ухудшения ситуации. Более позитивные оценки реформам в сфере *среднего образования* дают люди рабочих специальностей, а негативные – специалисты с высшим образованием. Возможно, наименее образованная часть российского общества склонна положительно оценивать изменения «правил игры» в средней школе потому, что связывает с введением ЕГЭ надежды на повышение доступности образования для собственных детей. Что касается *высшего образования*, то ситуация в этой сфере оценивается россиянами еще более негативно. Ее ухудшение в последние годы отметили 34%, и только 17% сказали то же относительно среднего образования.

В числе основных новаций образовательной политики последних лет было и *введение института платного образования*. Мнение россиян относительно его качества в сравнении с бесплатным разделилось практически поровну. Сторонниками лучшего качества бесплатного образования являются прежде всего те, кто не может себе позволить платные образовательные услуги. Это в основном люди, считающие, что без материальной поддержки со стороны государства им не обойтись, боящиеся резкого роста жилищно-коммунальных платежей, основной способ улучшения своего материального положения видящие в работе на при-

усадебном участке и т.д., то есть заведомо относящиеся к не самым благополучным в материальном отношении слоям населения. Активное развитие системы платного образования, включая дополнительные образовательные услуги (подготовительные курсы, репетиторство и прочее), еще больше закрывает для них доступ к образованию, что они, естественно, не могут не ощущать.

Проблема платности высшего образования тесно сопряжена и с вопросом *соотношения в нем государственного и частного финансирования*. Абсолютное большинство россиян (89%) считает, что высшее образование за государственный счет должно быть доступно всем желающим и имеющим для этого необходимую подготовку. Идея льгот для малообеспеченных не пользуется при этом популярностью, для россиян легитимна скорее идея льгот для талантливой молодежи, не имеющей в силу разных причин высокого уровня подготовки, необходимого для поступления в избранный вуз, или для тех, кто по не связанным с уровнем благосостояния их семей причинам занимает заведомо худшие стартовые позиции (рис. 3).

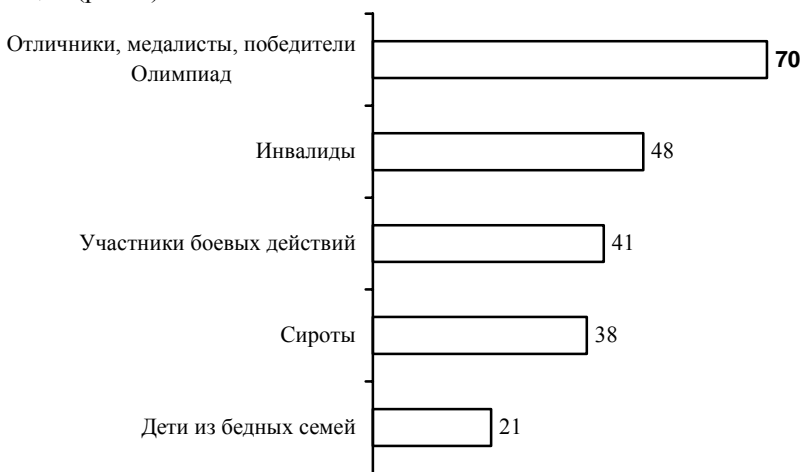

Рис. 3. Кто, с точки зрения россиян, должен иметь льготы при поступлении в вуз на места, финансируемые государством (в %)
(Допускалось несколько ответов)

Таким образом, *проводимые в сфере образования реформы пока не отвечают ни социальному запросу со стороны общества и экономики, ни реалиям сложившейся в этой области ситуации. Они будут работать ни на снижение уровня социальной напряженности, ни на решение*

задачи отбора наиболее талантливой молодежи, способной обеспечить развитие России как конкурентоспособной на международной арене державы.

Обращаясь к проблематике **здоровья** – второму важнейшему компоненту успешного развития человеческого потенциала страны – следует отметить, что в этой области положение еще более тревожное. Лишь 28% россиян считают свое здоровье хорошим, остальные – плохим (17%) или удовлетворительным (55%). При этом, если в возрасте до 30 лет оценивают его как хорошее 56%, то в 31–40 лет уже 43%, в 41–50 лет – 26%. *Здоровье, в совокупности с другими факторами, определяет не только возможность социальной мобильности индивида на микроуровне, но и потенциал страны на макроуровне.*

Один из важных факторов, определяющих для россиян высокую значимость здоровья и вызывающих страх его потерять, связан с возможностью или невозможностью получить хорошо оплачиваемую работу и обеспечить себе достойный уровень жизни. Потеря здоровья не просто опасна сама по себе, но и может привести к застойной бедности. Около 40% россиян говорят о том, что людей из их окружения, живущих за чертой бедности, привела к этой ситуации болезнь или инвалидность. Эта причина бедности называется россиянами чаще всего, опережая даже длительную безработицу и недостаточность государственных пособий по социальному обеспечению.

В целом же, 71% населения России больше всего в жизни опасается потери здоровья, причем этот страх распространен во всех возрастных когортах. Даже среди поколения до 30 лет данный фактор отмечают более 60%. Но еще чаще такой ответ дают люди от 51 до 60 лет, то есть работающие россияне, в силу возраста уже столкнувшиеся с проблемами здоровья, влекущими ограничения в работе и полноценной жизни. Страх потерять здоровье «наслаивается» к тому же на страх недоступности медицинской помощи даже при острой необходимости (такой страх называют в числе основных 29% россиян, то есть почти треть всего населения страны). И эти опасения имеют под собой реальные основания (рис. 4).

Таким образом, 62% из числа нуждавшихся в медицинской помощи оказались лишены ее. В наиболее тяжелом положении находятся люди с плохим здоровьем – 84% тех, кто оценил свое здоровье как плохое и очень плохое, не смогли получить необходимую им медицинскую помощь из-за нехватки средств. Несмотря на льготы, являющиеся весьма затратными статьями государственной социальной политики, наиболее незащищенными в плане ее получения оказались (73%). *Среди лиц, младше 30 лет, 55% не смогли ее получить по той же причине. Естественно, это не*

может внушать оптимизма в отношении будущего человеческого потенциала России.

Рис. 4. Виды медицинской помощи, которую не смогли получить из-за нехватки денег в течение года перед опросом (в % от числа нуждавшихся в ней)
(Допускалось несколько ответов)

Механизмы рыночной экономики, возможные для решения проблем со здоровьем, россиянами почти не используются. Не получило распространение кредитование для этих целей. За 2003–2006 гг. такой *кредит* (на операцию, протезирование, поездку на курорт и т.д.) использовали менее 2%, и 1% планировали его в течение ближайшего года. Обращает внимание при этом тот факт, что отмечающие нехватку денег на получение необходимой медицинской помощи пользовались потребительскими кредитами столь же часто, как и те, кто не сталкивался с подобной проблемой. Это свидетельствует о необходимости создавать новые виды кредитных продуктов в этой сфере, обеспечивать их предложение непосредственно в учреждениях здравоохранения, облегчать условия кредитования, транслировать в СМИ социальную рекламу, формирующую новые, непривычные для россиян стандарты поведения и т.д. Стимулирование подобных мер со

стороны государства – ничуть не менее важное направление государственной социальной политики, чем прямое финансирование учреждений здравоохранения.

Другой возможностью решения проблем со здоровьем является *добровольное медицинское страхование*. 62% населения знают о такой форме организации медицинского обслуживания, но использовали его лишь 12% в основном обеспеченных людей. Причем если в Москве и Санкт-Петербурге эта доля приближалась к 20%, то в остальных типах поселения она была значительно ниже. Вполне вероятно, что с ростом материально-технической базы учреждений здравоохранения, обеспеченности людей можно ожидать роста доли использующих такой вид медицинского обслуживания. И хотя это не решит проблем большинства населения, но снимет значительную часть нагрузки с государственной системы медицинской помощи.

Таким образом, большинство россиян сталкивается с теми или иными проблемами в сфере здоровья, которые оно не в состоянии решить самостоятельно, причем это относится и к возрастной группе до 30 лет. Рыночные механизмы их решения (кредитование, добровольное медицинское страхование) пока не распространены. В этих условиях не удивительно, что 67% россиян считают, что ответственность за медицинское обслуживание лежит на федеральной власти. Вполне естественно и то, что большая часть населения (60%) считает реформу здравоохранения, предусматривающую введение госстандарта, приводящего к реальному расширению платности медицинских услуг, неправильной и вредной по своим последствиям. Правильной и способной улучшить их собственное положение считают данную реформу лишь 5%, а еще 23% – в целом правильной, но опасаются, что их положение от этого только ухудшится. Остальные просто не знают суть этой реформы и убеждены, что она не имеет к ним никакого отношения. Однако неверно было бы утверждать, что россияне однозначно против платной медицины – половина из них рассматривает принцип частичного финансирования медицинских услуг гражданами как правильный.

Если обобщить полученные результаты, то становится понятным, что *социальная политика в сфере здравоохранения, которая могла бы способствовать накоплению человеческого потенциала и улучшению его качества, должна быть нацелена, с одной стороны, на повышение доступности бесплатной медицинской помощи, а с другой – на повышение качества платных услуг в этой сфере.* Пока же нерациональная организация системы медицинской помощи приводит к генерирующей социаль-

ную напряженность *невозможности получить нужное лечение даже при острой необходимости и снижению качества человеческого потенциала страны.*

Важнейшей составляющей, влияющей на качество человеческого потенциала, является низкий **уровень благосостояния** населения. Не менее трети россиян живут еще за чертой или на грани бедности. Об этом свидетельствуют их низкие доходы, специфика имущественного потенциала, структура потребления, располагаемые ресурсы. В состоянии крайней бедности пребывает около 7% населения, являющихся российским вариантом андекласса со всеми присущими ему негативными характеристиками.

Российская бедность наделена определенными чертами, формирующими ее общий портрет. Так, до 40% бедных – это представители групп в возрасте старше 60 лет. При рассмотрении поселенческого среза обнаруживается тенденция концентрации бедности в российской «глубинке». Если жители крупных городов оказываются в бедности в 11–13% случаев, то в малых городах – в 20–30%. Ситуация же в российской деревне просто критическая.

Было бы неверно утверждать, что в бедности оказываются в основном экономически неактивные члены российского общества, которые не могут обеспечить себе нормальный уровень доходов по причине возраста (пенсионеры) или плохого здоровья (инвалиды), а также сельские жители. Бедность затрагивает и другие категории россиян. *Особенно опасна с точки зрения перспектив развития страны ситуация с той частью населения, которая балансирует на грани бедности (15–17%). Ресурсы ее, во многом оставшиеся еще с советского времени, постепенно исчерпываются, и малейшее ухудшение общей экономической ситуации в стране или неожиданные семейные проблемы могут столкнуть ее представителей в глубокую и хроническую бедность.* В этой группе, объединяющей свыше 20 млн. человек, картина с точки зрения возраста и места проживания ее представителей заметно отличается от картины в группе застойной бедности. Представители молодого и среднего поколений (до 40 лет) составляют в ней более трети, причем чем крупнее населенный пункт, тем эта доля выше. Так, в мегаполисах доля лиц до 40 лет, пребывающих в зоне риска бедности, составляет около половины их жителей, хотя застойная бедность в них не слишком распространена.

С точки зрения особенностей данной «группы риска» надо отметить в первую очередь низкий образовательный и квалификационный уровень ее представителей, а следовательно – неконкурентоспособность

на рынке труда. Среди «застойных» бедных эта тенденция проявляется еще ярче – более половины из них не имеет никакого специального профессионального образования (на фоне каждого десятого из средних и обеспеченных слоев). Это говорит о том, что *социальная политика, направленная на борьбу с бедностью, должна акцентироваться не столько на росте социальных трансфертов (которые, впрочем, также необходимы), сколько на наращивании ресурсного потенциала бедных – росте доступности для них образования, улучшения здоровья, создания новых, рассчитанных на них (то есть отвечающих их образовательным, квалификационным, физиологическим возможностям) и гарантирующих стабильную занятость рабочих мест и т. д.*

Пока же социально-профессиональная структура экономически активного населения, пребывающего за чертой бедности, обладает рядом особенностей. В ней низка доля специалистов (не более 12%–15%) при *заметном преобладании представителей рабочих специальностей, причем не самой высокой квалификации.* Каждый четвертый работающий бедный – это подсобный рабочий, занятый ручным физическим трудом (в среднем по России – около 10%). Рискуют оказаться или уже пребывают в бедности и многие работники сферы услуг и торговли. Причем тип собственности предприятия, на котором заняты низкоквалифицированные работники, заметной роли не играет.

Каждый третий российский бедный не обладает никаким стратегически значимым имуществом (квартира, дача, участок земли), которыми можно было бы распорядиться или использовать их для улучшения материального положения. Нуждающееся население предпочитает оставлять собственное жилье в муниципальной собственности (около 40% из них не являются собственниками жилья, в котором проживают).

Решая проблему бедности, важно учитывать, что бедные, обладая заведомо более низкими стартовыми возможностями (не только по причине *отсутствия значимых экономических и образовательных ресурсов*, но и по причине их *низкой функциональной грамотности*), зачастую не в состоянии эффективно планировать свою жизнь и просчитывать угрожающие им социальные риски. Так, 58% бедных ничего не знают о сути проводимой в стране пенсионной реформы; 48% – не информированы о переменах в образовательной системе; каждый пятый – не понимает, что будет происходить в сфере здравоохранения и в чем суть предлагаемой жилищно-коммунальной реформы. Заметим, что степень информированности о реформе социальной политики у респондентов из средних слоев на порядок выше.

В таких условиях неудивительно, что, несмотря на быстрый экономический рост, динамика материального положения бедных за последние годы носит явно негативный характер (46% отмечают его ухудшение и только 6% считают, что их жизнь начинает налаживаться). *Поставленная Президентом РФ задача борьбы с бедностью не приводит ни к сокращению их числа, ни к уменьшению глубины бедности.* Вера бедных в то, что в ближайшем будущем у них появятся лучшие перспективы, постепенно утрачивается – на улучшения в будущем надеются только 14%, а 40% продолжают ждать дальнейших ухудшений. Скепсис в этой области характерен не только для бедных: лишь 16% населения России считает, что за последнее время ситуация с бедностью в стране улучшилась, в то время как каждый третий опрошенный уверен, что благосостояние населения падает и бедность растет.

Таким образом, возможности бедных самостоятельно справиться с критической ситуацией резко ограничены, в том числе и у многочисленной группы бедных в возрасте до 30 лет. К тому же в этих семьях растет значительная часть (около трети) несовершеннолетних детей страны. *В условиях, когда решение целого ряда социальных проблем (прежде всего, связанных со здоровьем, образованием, жильем) планируется даже в большей степени, чем это имеет место в настоящее время, перенести на плечи самого населения, значительная часть россиян окажется лишенной всяких возможностей удовлетворять даже жизненно важные потребности. Это неизбежно приведет к снижению конкурентоспособности страны на мировой арене за счет как дестабилизации ситуации в обществе, так и окончательного разрушения человеческого потенциала наименее благополучных слоев.*

Для решения проблемы российской бедности требуется не только политическая воля, но и понимание неоднородности состава бедных, неравномерности их распределения в территориальном пространстве России и остроты нуждаемости тех или иных социально слабых групп. *Только такой комплексный подход к проблеме бедности может способствовать изменениям, повышающим конкурентоспособность страны в глобализирующемся мире.* Ведь чем больше «балласт» бедности, который вынуждена нести на себе страна, тем больше ресурсов отвлекается на поддержку бедных, которые в другой ситуации могли бы способствовать росту как собственного благосостояния, так и экономическому развитию страны в целом.

Подведем некоторые итоги. Идея социального государства, как и государства всеобщего благосостояния, возникла неслучайно. *Данный*

тип государства с присущим ему вниманием к проблематике социальной политики является отражением объективного запроса определенного этапа общественного развития, и прежде всего экономики, предъявляющего массовый спрос на рабочую силу высокого качества. Именно поэтому, а отнюдь не только из гуманистических соображений, модель государства всеобщего благосостояния получила в последние десятилетия распространение в мире. Даже в быстроразвивающихся государствах Юго-Восточной Азии, где гуманитарная функция социальной политики, включая проблемы пенсионного обеспечения, находится на периферии общественного внимания, ее инвестиционная функция встречает полное понимание и необходимое государственное финансирование.

Большое внимание уделяет обеим основным функциям социальной политики и население России. При этом старшее поколение и относительно менее квалифицированные слои населения в большей степени акцентируют гуманитарную, а более молодые и квалифицированные слои населения – инвестиционную функцию социальной политики, успешная реализация которой может обеспечить для России более достойное место в международном разделении труда, нежели статус «сырьевой сверхдержавы». Однако реализация инвестиционной функции социальной политики, обеспечивающей на десятилетия вперед конкурентоспособность страны на международной арене за счет определенного качества ее человеческого капитала, предполагает и осознанный выбор государством соответствующих приоритетов, моделей и инструментов реализации этой политики. Пока же, судя по имеющимся эмпирическим данным, *при развитии многих негативных тенденций, свидетельствующих об относительном ухудшении человеческого потенциала страны в целом, как реализуемые, так и намечаемые в сфере социальной политики меры способны скорее способствовать консервации этих негативных тенденций, нежели их преодолению.*